

Христофор
Верхневолжский

**Рисунок воли
на теле души**

Христофор Верхневолжский

Рисунок воли на теле души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70882069

SelfPub; 2024

Аннотация

Книга – пилотный проект большого произведения. Сборник миниатюр мистического содержания под общей паремией: Умеренное излишество в необходимости случайного достижения Непостижимого. Для всех, кто интересуется структурами времени, пространства и бытия.

Содержание

Задонское эхо Кавказа	4
Тропарь	4
ХБ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Христофор Верхневолжский Рисунок воли на теле души

Задонское эхо Кавказа
*Сборник миниатюр под общей
паремией: умеренное излишество
в необходимости случайного
достижения Непостижимого*

Тропарь

Весьма пожилая интеллигентная женщина с букетом белых роз вежливо спросила привратников монастыря, где находится могилка старца Мардария.

– А-а, схиеромонаха Алексия, – поправил её молодой послушник и отвёл её к могилке на монастырском погосте. Женщина положила цветы, перекрестилась, поцеловала крест. Некоторое время она с тихой улыбкой задумчиво постояла, потом снова перекрестилась, поцеловала крест и

ушла.

Один из сведущих монастырских иеромонахов заметил:
– Это мать одного из перспективных молодых архиереев.

Стоявшие рядом монахи без особого любопытства проводили её взглядами и вернулись к своему Богомыслию, разбавленному много-попечительством и капелькой суетности. Но мог ли кто-нибудь тридцать лет назад предположить, что сын обыкновенной советской труженицы так близко приблизится к Божиему Престолу. А ведь именно тогда всё и началось.

Во времена горбачёвской перестройки я ехал поездом к нашему ласковому Чёрному морю и, как мне тогда казалось – случайно, а на самом деле промыслительно, познакомился с одним молодым кремлёвским журналистом. Юрий, так его звали, был сначала весьма скрытен. Но, выехав к побережью, когда с одной стороны сияло голубое бескрайнее море, а с другой – вздымались до небес величественные горы, душа его при виде такого Божьего великолепия совершенно раскрылась. Оказывается, он ехал в творческую командировку, на встречу с таинственными кавказскими монахами-пустынниками, духоносными старцами, подвижавшими в Богопознании в труднопроходимых горах. Своим вдохновенным энтузиазмом он увлёк и меня, хотя многие его рассказы я относил к разряду небылиц. Таинственным старцам повинуются дикие звери, белки собирают им ягоды, а ежи – грибы. Когда надо, они на свои уголья насылают дождь, а

чтобы скрыться от непрошенных гостей, укрывают свои жилища туманом. Чудо для них – всё равно, что для нас утренний кофе. Я уже сказал, что ко многим его рассказам я относился скептически, но отшельническая жизнь, наполненная религиозным смыслом, сама по себе уже является великим таинством, к которому поневоле будешь относиться с благоговением.

В конце концов Юрий сказал мне, что сам является одним из очевидцев чуда. «Но, – добавил он, – как сказано в Евангелии: «Блаженны видевшие и уверовавшие, но блаженнее те, кто не видел и уверовал». Так что есть и поблаженнее меня, и таковых гораздо больше», – закончил он. И рассказал мне о чуде, свидетелем которого был не только он, но и многие ученики школы, в которой учился в детстве. Вот его рассказ.

Проход появился в нашем классе в середине учебного года. Скромный, тихий мальчик, но окружённый какой-то неприличной таинственностью, потому что учителя с каким-то пристальным опасением довольно бесцеремонно разглядывали его. Всё дело было, видно, в плохой характеристике, которая иногда сопровождает ученика при переводе его в другую школу.

Но и в поведении он отличался от всех какой-то «взрослой» рассудительностью. Такой вот пример. Наши ребята затеяли некое соревнование: кто сможет переломить карандаш тремя пальцами. Хруст нескольких карандашей привлёк

внимание Прохора. И он спокойно, что возмутило всех больше всего, сказал нам, что лучше бы вы этими карандашами нарисовали что-нибудь красивое. Если бы это замечание было от взрослого, ну, отмахнулись бы и дело с концом. Но безусловная справедливость от сверстника, да ещё и новичка, оцетинила всех окружающих. Какая же может быть дружба с такими вот умниками.

Но дружбы он и не искал, учился хорошо и очень корректно уходил от всяких провокаций. Через месяц всяких «испытаний» от него отстали: ну, мол, есть такой, да и фиг с ним. Это касалось всего класса, кроме одной девочки из породы мечтательниц. Имя её в своё время тоже было предметом насмешек, чуть ли не издевательств. А звали её – Груша. Полное её имя – Аграфена – знали, наверно, только учителя. Но и её недолюбливали, возможно, из-за родителей, особенности которых почему-то для школьников, да наверно, и для учителей были непонятны. Для всех она была Грушка.

Однажды вышел случай, что я подслушал их разговор наедине. «Прохор, – сказала Груша, – давай с тобой дружить». Те из взрослых, которые ещё помнят своё детство, хорошо понимают, что означают эти слова в школе, а для остальных напомним: «Ты мне очень нравишься, давай будем друзьями, и, возможно, я тебя люблю». Любовь для школьников – вещь реальная, но целомудренная и всё же довольно абстрактная. Прохор же ответил ей так: «Милая Груша, ты ведь видишь, что меня не любят, и у тебя из-за меня будут, наверно, непри-

ятности». «Они все дураки, – сказала она и потом тихо добавила, – у меня тоже ведь нет друзей». И голос её дрогнул. «Спасибо тебе, Груша, конечно, будем дружить», – ласково ответил ей Прохор. В его голосе было столько тепла, что стыд волной окатил меня с головы до ног. Я уже не мог прятаться и как бы случайно вышел из-за забора. Груша была красная как маков цвет, но васильковые её глаза, смотрящие на Прохора, сияли как звёзды. Я прошёл мимо, что-то насвистывая, а они не особо-то и обратили на меня внимания. Что-то удержало меня рассказать в классе о случайно подслушанном разговоре, хотя в уме навязчиво крутилась насмешливая присказка, испортившая многие человеческие отношения: «тили-тили тесто жених да невеста».

Как бы то ни было, их дружба не осталась незаметной и свою долю насмешек они получили, хотя их отношения ничуть не изменились.

Ну вот, теперь о самом главном. Шёл у нас урок истории. Молодая учительница с воодушевлением рассказывала о великих достижениях Октябрьской революции. Землю, мол, отдали крестьянам, заводы – рабочим, и вот теперь мы живём в хороших домах и учимся в прекрасной школе. Всё прошло бы гладко, если бы она не добавила, что всё это сделано руками людей, без какого-то там мифического бога.

Она торжественно осмотрела класс, но тут раздался уверенный голос: «Бог поругаем не бывает!». Это было как пощёчина. Учительница покраснела и набросилась на Прохора

(вы, конечно, догадались, что это сказал он). Я не помню, что она там конкретно несла, но суть сводилась к тому, что бога придумали чтобы обманывать народ и т. д. А в конце добавила, что никакого Иисуса Христа и в помине не было. Всем было радостно и интересно, мы смотрели то на учительницу, то на Прохора. И вдруг Прохор запел:

Воскресение Христово видевше, —

и такая сила была в его словах, что все как-то притихли, одна учительница саркастически улыбалась.

поклонимся Святому Господу Иисусу, —

Какая-то сила мягко вливалась в меня, но хихиканье хулигана Пашки с предпоследней парты рождало скептическое сопротивление.

ЕДИНОМУ БЕЗГРЕШНОМУ, —

Меня, да и всех эти слова изумили до крайности, потому что стало происходить нечто невероятное. Эти слова пропел не один Прохор! Но и никто из нас. Слова прозвучали отку-

да-то сзади, тихим хором, как восторженный шелест тополиной листвы в ясный солнечный, но ветреный день, но только человеческими голосами. Казалось, огромное войско из далека-далёка подпевало Прохору.

Кресту Твоему поклоняемся, Христе, —

Не страх и даже не ужас придавил меня и вошёл во всё моё существо, потому что пели это уже не только люди. Ещё более огромное и ужасное в своей истинно великолепной красоте воинство пело с Прохором в Силе и Славе. Несмотря на большое количество певчих, каждый голос был различим своим тембром и личной красотой, но все они стройно, властно и неумолимо вливались в общий ритм и мелодию пения. Стены вокруг нас становились голубовато-прозрачными и наша классная комната ощущалась каким-то бесконечно далёким тусклым пыльным чуланчиком в великолепии небесной славы. Я чувствовал: ещё мгновение и я расстанусь со своим, всё же любимым телом, со своей прежней жизнью, и наступит что-то совсем новое, пугающее гигантским простором, своим непреклонным законом и абсолютной неизвестностью дальнейшей моей судьбы. Мне стало очень жалко себя, такого ничтожного и скверного мальчишки...

и святое Воскресение Твое поем и славим, —

Но это пел уже только один Прохор, в полной тишине класса он допел до конца воскресный тропарь, так называется это Богослужebное песнопение, и спокойно сел. Звонкой молчаливой тишине мешало только одно: Груша стояла с приподнятой головой и поднятыми руками и улыбалась, а из её васильковых глаз часто капали крупные слёзы на учебник новейшей истории.

Наконец она села и закрыла ладонями лицо. У меня почему-то хлюпало и под ногами. Лужа какая-то? А оказалось, что полы в классе были чуть наклонены в сторону доски, а ручеек тёк от хулигана Пашки. Бедняга испугался сильнее всех.

– Что же было дальше? – заворожённо спросил я.

– А дальше – да ничего-то и особенного. Только ворчливая уборщица тётя Валя настырно допытывалась у каждого из нас: «Что же там у вас такое-этакое произошло?»

Она, оказывается, была в это время у директора, негодовала на разбросанные в туалетах окурки, а тут ворвалась наша историчка с какой-то бумагой. Вот как она сама об этом рассказывала. «Забегала всклокоченная, – вот, говорит, здесь всё о вашем таком-то, таком-то Прохоре. И протягивает бумагу, хорошую такую, белую-белую. Директор-то бумагу взял, посмотрел да и говорит: «Мария Сергеевна, вы не заболели? Зачем мне ваша бумага, у меня своя чистая есть».

Историчка-то как на бумагу взглянула, охнула, схватилась за сердце и выбежала вон, бросив бумагу на пол. А я бумагу подняла – гладкая такая, вот, думаю, сестре письмо-то напишу. Глядь, а на всём листе буквы какие-то старинные. Но я всё равно бумагу-то взяла. И как вы думаете, что там написано было-то? А-а, вот такими-то буквами:

Бог поругаем не бывает!

а-а, вот как, сама когда-то в церкву ходила».

В конце года наш класс смешали с другими классами: кого в «Б», кого в «В», а кого и в «Г». Мать Прохора и родители Груши подружились тоже и переехали в другой город, и не знаю какой. Но меня не покидает мысль, что Прохора я всё равно встречу». Вот, что поведал мне столичный журналист Юрий. Но от них всякого можно ожидать: юркий народец.

Я вышел на своей станции, недалеко от санатория, а Юрий поехал дальше, к монахам-пустынникам. Я завидовал ему, но начал обдумывать, как бы мне тоже на следующий отпуск к этим пустынночкам пробраться. «На обратном пути не заедешь?» – спросил я его. «Не-е, я потом сразу в Задонск». «Задонск?» – переспросил я. «Ну да, он когда-нибудь станет самым крупным православным центром на Юге России, у меня там ещё дела».

Заканчивался мой отпуск в санатории. Мне с некоторых пор понравилось подниматься по извилистой тропинке возле речки довольно далеко в горы. Со мной иногда путешествовал дедушка с посохом, сказав однажды, что живёт в одном из дальних аулов. Дедушка был бодреньким, и мы с ним вели приятные и полезные беседы. Разговорившись, я пересказал ему историю журналиста Юры. Дедушке она, видимо, понравилась. И он спросил меня, знаю ли я перевод имени Прохор? Я не знал.

«Это – начальник хора». Все мои чувства говорили мне, что дедуля отлично знает о каком Прохоре я говорю. Но я не решился на прямой вопрос, поэтому спросил: «Дедушка, а как мне побольше узнать о Православии?» И он по-отечески с любовью ответил: «Поезжай, сынок, в Задонск, поживи, помолись, поработай во Славу Божию. И Бог откроет тебе что-нибудь, а откроет – держи при себе, лишь духовнику на исповеди поведать можешь. Да у тебя и у самого в детстве подобный случай был, ты вспомни, вспомни хорошенько». И я вспомнил.

Это было в детском садике. У нас была девочка Маша. Полненькая, веснушчатая и светловолосая. Но странным образом молчаливая и всегда играла отдельно от других детей. На тихом часе её кровать стояла посередине нашей большой спальной комнаты. Воспитательница куда-то ушла, и мы придумали себе забаву, отбрасывали одеяло, подбегали к Маше и щипали её за пухленькое, податливое тельце. Ма-

ша никак не реагировала на наши «походы». И это возбуждало и озлобляло нас всё более и более. Наконец настроение у всей группы стало озлобленно-ожесточённым. Вдруг один из наших бойких мальчишек, Колька, снял с ноги довольно увесистый тапочек, размахнулся и... ударил Машу по лицу. Звук был как от взрыва бомбы. Наступила гнетущая тишина. Все ждали Машиного крика и, соответственно, прихода воспитателя. Но наступило нечто странное и непостижимое для нас. Маша вдруг тихо, очень тихо заплакала. И этот плач в наших душах гремел ещё громче пощёчины. Мы стали вставать с постелей и подходили к Маше, гладили и утешали её. Вскоре вокруг её кровати собралась вся группа. А Маша от такого вмешательства вдруг зарыдала в полный голос, и слёзы катились ей на подушку. Это было невыносимо. Половина разбежалась по своим кроватям, я тоже закутался в одеяло, чтобы выплакать это горе. Девочки вокруг Машиной кровати тоже уже рыдали во весь голос. Не рыдал лишь один Колька: испуг заслонил от него слёзы. Но тут наш Артём (впоследствии служил в милиции) вытащил откуда-то палку и хряпнул Кольку по голове, Колька заверещал и, удовлетворённо подвывая, с облегчением заплакал. Так постепенно все утешились и спокойно заснули так, что воспитательница еле-еле нас добудилась. А к Маше все потом относились очень любезно, стараясь сделать что-нибудь хорошее: или конфеткой угостить, или подарить какую-либо игрушку. Всё это так живо представилось мне, что переживал я эти

далёкие события с неменьшей остротой. Я оглянулся на дедулю. А дедушка-то где? Я прошёл с полкилометра вверх по ручью, потом вернулся обратно. Но до конца отпуска этого дедушку-то больше и не встретил. Это уже потом я узнал, что вверх по ручью до ближайшего аула два дня пути.

Решено окончательно: Задонск, еду в Задонск!

ХБ

Она проснулась поздно в каком-то тревожном предчувствии. Хотя утро было ясное и за окном весело чирикали воробьи. У мамы был выходной, но она уже куда-то собиралась, сидя с косметичкой перед зеркалом.

Да..., день рождения был вчера... И подарки разбирать чего-то неохота. Хотя папа подарил какой-то странный набор в огромной коробке. На коробке была надпись «Для строительства песочных замков». Кто-то из гостей пошутил, что кому-то, мол, не хватает средств для строительства воздушных замков. Многие засмеялись, и Дашин интерес ко всё-таки заманчивой коробке поубавился. Даша даже и не раскрыла её, увлечшись другими подарками и праздничной суетой.

Умывшись, она вышла на балкон и с седьмого этажа своей многоэтажки глянула на пустынный двор, окружённый такими же бетонными коробками. Но за ночь пустота заметно убавилась. Посреди двора возникла большущая песочница, заполненная жёлтым песком почти до второго этажа. Вот это да-а-а?!

С двух сторон от песочницы стояли лавочки с навесами от солнца и дождя, а по краям песочницы уже копошились кучки малышей, мамы которых нетерпеливо требовали от них бросить это глупое занятие и направляться в садик.

Даша, чуть не взвизгнув, понеслась, забыв о еде, к папиной таинственной коробке. Открыв её, она сначала увидела красивую книгу-инструкцию, затем, сняв промежуточный слой упаковки, она увидела множество ячеек, в которых были разложены замысловатые металлические инструменты. Даша вытащила один из них. Это оказался конус с какими-то приспособлениями. Повертев его в руках, она смогла разложить его на отдельные четыре части. Подобным образом и остальные инструменты имели широкие возможности преобразования. Более того, они могли друг с другом соединяться в различных комбинациях.

И ещё там была белая пластмассовая коробочка с каким-то порошком, а на коробочке надпись: «Песочный цемент». Даша поняла, что всё это не так просто, как кажется, и взялась за книгу-инструкцию. То, что эти металлические предметы – формочки для песочных изделий, хотя и довольно странные, было понятно. А вот из книги она узнала, что всего две столовых ложки порошка «Песочный цемент», разбавленные ведром воды, могут целую неделю под дождём сохранять невредимым песочный дворец весом аж в одну тонну. Надо только опрыскать его из специального опрыскивателя, который тоже был в этой коробке.

Отобрав несколько металлических формочек, зарядив по инструкции опрыскиватель, Даша на бегу крикнула маме, что идёт гулять и выскочила в подъезд. Лифт, казалось, не приедет никогда. Но всё когда-то кончается, и вот уже Да-

ша, отгородив себе восточный угол песочницы, с упоением осваивала основы песочного дизайна.

Да, Дашин папа работал проектировщиком (дизайнером) капитальных сооружений, но его работы то не принимали, то не доплачивали за них. Это обстоятельство было причиной неприятных разговоров с мамой. Но последнее время папа был радостный и говорил, что скоро они могут зажить очень хорошо. И в самом деле, в холодильнике стали появляться разные вкусные вещи, а на День Рождения объелись все без исключения.

– Ну, Оксана, – хвалили маму гости, – угощенье на удивленье.

Далеко за полдень Даша наконец закончила изящный песочный дворец с тремя башенками и круглым холлом. Опрыскав его закрепителем – так она назвала «Песочный цемент» – она присела на лавочку и, улыбаясь, мечтательно любовалась своей работой. Вдруг её мирное настроение было прервано громкой автосигнализацией с каким-то куражливым мотивом. Это взывала красивая машина, стоявшая неподалёку от песочницы. А к ней, весело подтанцовывая и размахивая руками в такт этой «бла-бла-бла», спешил дядя, какой-то мамин знакомый, Даша иногда их видела вместе. Дядя, видимо, чтобы сократить путь до своего лимузина, перепрыгнул деревянный барьерчик песочницы и, ничего не замечая, мурлыкая себе под нос мелодию сигнализации, врезался в Дашины постройки. Чтобы не упасть, он затоптал

ногами и непоправимо порушил изящный дворец.

Даша привстала со скамейки, сложив ладони возле груди в умоляющем жесте, а в глазах её был испуг, изумление и слёзы.

– Дядя, вы всё мне сломали, – срывающимся в плач голосом пролепетала Даша. Дядю это несколько озадачило, но не огорчило. Он нажал кнопку на пульте, выключив сигнализацию, и, глядя в её полные слёз глаза, задорно произнёс: «Это Халям-балям». И, отряхивая прилипший к брюкам песок, не меняя своего хорошего настроения пошёл к машине, отчего-то посмеиваясь себе под нос.

Ошеломлённая девочка присела на лавочку и, глядя куда-то вверх песочницы, тихо повторила: «Халям-балям». И после этого слёзы неудержимо потекли по её щёчкам.

За некоторое время до этого печального события, в квартире соседки тёти Вали, женщины без предрассудков, как она себя называла, произошёл следующий разговор.

– Савелий, милый, ну я уже совсем измаялась, когда же это наконец всё кончится?

– Потерпи, дорогая, я уже ведь тебе говорил: где-то через месяц состоится конкурс, без всяких сомнений, одобряют проект моих дизайнеров, а твой рохля, как всегда, провалится.

– Валентина говорила, что некоторые архитекторы высоко оценивают работы моего мужа.

– Кто такая Валентина?

– Ну, да соседка, в квартире которой мы сейчас находимся.

– Я спрашиваю, кто она такая, чтобы знать мнения архитекторов? Да даже если и знает, то некоторые – это не все, и не Заказчик.

– А кто, кстати, заказчик?

– Этого тебе знать необязательно.

– Фу, все вы мужики грубияны, мой тоже молчит, как рыба об лёд.

– Ты, Оксана, – баба. А вы умеете хранить секреты, но только сообща. Поэтому жди готового молча.

– Прости, Савельюшка, любимый, ну, любопытные мы, дуры. Да и мне уже невмоготу и горько. Ты ведь со своей не собираешься разводиться, а ты один только мне и нужен. Не могу без тебя.

– Ладно, ладно, Ксюша, ты ведь знаешь, мне разводиться сейчас никак нельзя. Жена и её родственники контролируют большинство ресурсов – и финансовых, и административных, и я без них быстро скачусь на уровень твоего мужа. Зачем тебе ещё один неудачник?

– Нет, нет, Савельюшка, ты у меня умный, ты придумаешь что-нибудь. И не сравнивай себя с Николаем, не напоминай ошибку моей молодости. Ему до тебя слишком далеко.

– Есть у меня один вариант. Когда утвердят мой проект, я на побережье присмотрел хороший участок под гостиницу. Я проведу её по проекту как дополнительные расходы, но

оформлю на себя, а тебя поставлю управляющей. Как, идёт?

– О, господин моего сердца! В холодильнике ещё бутылка шампанского. Кубок – повелителю!

– Но-но, я за рулём, не шугай фортуна.

– Ты только отхлебнёшь, любимый, остальное выпью я, за твоё здоровье и нашу победу!

– Ты лучше вот что сделай. Вот тебе фотоаппарат, отсними все нынешние работы своего, мне нужно хорошо проанализировать все шансы на победу. В прошлый раз у тебя получились замечательные снимки.

– Для тебя, милый – всё, и даже всё остальное!

– Ну вот и ладненько, давай шампанское.

– И ещё, милый, твои деньги мой уже растранижил, да и у дочки день рождения вчера праздновали...

– Ладно, на тебе небольшой аванец, тут и тебе хватит обновить свой гардероб, да не переборщи с этим. Хотя, ты, Оксанчик, с головой дружишь, и мне это откровенно нравится.

Даша, стараясь не смотреть на порушенные постройки, тихо плача, собирала инструменты. Вдруг кто-то сказал: «Да... красивый был домик, пожалуйста, построй завтра ещё, а я посторожу, чтобы никто не сломал». Даша оглянулась и увидела на скамейке старичка с седой бородой и палочкой. Ничего не ответив, она пошла домой.

Следующим утром, как ни странно, но Даша проснулась с улыбкой на лице. Что-то хорошее снилось, но не запомнилось. Вспомнив вчерашний день, она нахмурилась. Но лёг-

кая грусть недолго была на её лице. Она сменилась недоуменным интересом, когда, выглянув в окно, Даша увидела в ЕЁ (!) песочнице, там, где она строила вчерашний замок, какого-то мальчика. Он тоже строил что-то красивое, а ему помогал советами вчерашний дедуля, то так, то этак указывая своей палочкой.

Недоумение быстро сменилось сосредоточенной деловитостью. Даша не спеша подобрала формочки для будущей постройки. Клея «Песочный цемент» в опрыскивателе было ещё достаточно. Но она обнаружила ещё одну коробочку. Там было двенадцать разноцветных порошочков и инструкция по приготовлению цвета различных оттенков для покраски песочных изделий, а также ещё один опрыскиватель для краски. Один грамм порошка нужен был для покраски одного квадратного метра.

Когда она, нагруженная инструментарием, подошла к песочнице, мальчика уже не было, но дедуля сидел на лавочке. А в песочнице стоял небольшой, но очень изящный и уютный домик. Что-то странное было в его конструкции: плавные линии, отсутствие грубых углов и какая-то целеустремлённость. Домик как будто готовился плавно взлететь.

– Что, занятно? – спросил дедуля. – Хочешь, я тебя подучу и будешь потом строить, может, ещё красивее?

– Хочу, дедушка, – сказала Даша.

– Ну что ж, – хихикнул он в бороду, – внуча, хе-хе, тогда начнём.

И дедуля, день за днём, начал её учить. Учил он очень хорошо:

Даша почему-то сразу понимала, что надо сделать. Очень редко у неё что-то не получалось.

Но однажды случилось очень неприятное событие. Папа должен был участвовать в архитектурном конкурсе и проектировал современный спортивный комплекс. Он принёс все чертежи домой и работал у себя в комнате, почти не выходя оттуда. Он даже из пенопласта клеил макет главного здания комплекса. Из его разговоров с мамой Даша поняла, что у него никак не соответствует расчетам основная балка, которая придавала всей конструкции прочность, лёгкость и своеобразную красоту. Что-то в её форме смещало центр равновесия. И для папы это была главная задача.

Даша зашла к нему в комнату звать на обед, и зачем-то вертела в руках пузырёк с красивой фиолетовой песочной краской. Она облокотилась на папин рабочий стол, и вдруг пузырёк выскочил из её рук, она попыталась его поймать, споткнулась о пенопластовый макет, упала на него, раздавив всю конструкцию, а пузырёк разлился на папину тетрадь с расчётами и непоправимо залил всё. Это была катастрофа.

– Я так близко подошёл к решению... – с грустью и каким-то смирением сказал папа, что Даша чуть не заплакала. В дверях комнаты появилась мама.

– Это Халям-балям, – почему-то вырвалось у Даши. Мама, стоя в дверях, слегка улыбнулась: она уже слышала это

слово от одного своего знакомого.

В общем, папа в расстройстве обедать не пошёл, и Дашино настроение было на весь день испорчено. И на следующее утро в песочнице, как ни старался дедуля, у Даши всё получалось плохо. Наконец, в сердцах она порушила свои неказистые постройку и, хлопнув ладошкой по песку, произнесла: «Халям-балям». Дедуля как-то странно посмотрел на неё и сказал:

– Зачем ты его поминаешь, разве ты уже с ним знакома?

– С кем? – недоуменно спросила Даша.

– Да с этим нехорошим «балямом».

– А он что, живой? Человек?

– Живой-то он живой, только не человек.

– А кто же??

– Нечистый дух или, как их в газетах называют, барабашки, домовые, полтергейсты... Вон он уже выглядывает из-за угла, – кивнул дедуля в дальний конец двора, – подойти только боится. Э-э-э, плохи ваши дела. Папа с мамой у тебя хоть крещёные?

– Мама – не знаю, а мы с папой – да. – сказала Даша, вглядываясь в дальний угол двора. – Дедушка, а расскажи мне о нём.

И вот что рассказал дедуля. Когда ещё не было людей, Бог сотворил великое множество духовных существ – ангелов. И этого в том числе, только имя у него было другое: радостное, весёлое и доброе. Он должен был встречать при рождении

младенцев, и они, плача, радовались бы и смеялись вместе с ним. И ещё много-много радостных дел было у него. Но один из херувимов (это ангелы, постигающие Божественную премудрость) смог постичь или вобрать в себя почти всё знание сотворённого Богом мира. А знание часто надмевает. И возгордился могучий ангел. И захотел изменить предопределение Божие, то есть сотворённый Богом мир по своему желанию. Увлёк он за собой третью часть небесных ангелов, но был низвергнут с ними на землю. Так появилось зло как результат их деяний, ибо они отвернулись от Бога и Благодати.

– Вот так и дивный Альсмаил стал Халямом-балямом. Теперь ты знаешь его настоящее имя, и не сможет он тебе навредить чем-либо.

– Жалко мне его, дедушка. Неужели ничего нельзя сделать?

– Люди, наверно, не могут, а Богу возможно всё. А чтобы Бог исполнил наши желания, нужно научиться Ему молиться. И теперь перед всяким делом и после него выучишь вот эти молитвы. – С этими словами дедуля протянул ей листок плотной бумаги, на котором были написаны молитовки.

Дедуля учил Дашу, рассказывая удивительные вещи, и по мере учения песочница наполнялась необычными в своей красоте строениями. Малыши все разъехались с родителями на курорты, а более взрослых детей песочница не интересовала. Да и, глядя на Дашины творения, никто, видимо, не желал с ней соперничать. Несколько дожδικов прошло по

ночам, но, казалось, они только укрепили Дашины песочные замки. Наконец песочница превратилась в прекрасный город с удивительным дворцом в центре и разноцветными домиками, гармонично расположенными вокруг дворца. Многие взрослые, проходя мимо, с изумлением взирали на такое великолепие.

– Ну вот, теперь будешь строить без моих подсказок, а мне пора: ждут меня в другом месте, – сказал дедуля.

Даша бросилась к дедуле, они обнялись. От него удивительно пахло цветами, морем и ещё чем-то неповторимым: каким-то радостным ожиданием грядущего счастья.

– Дедушка, милый, ты ведь придёшь ещё? – спросила Даша.

Дедуля взял Дашину руку и положил в неё что-то круглое и тяжёлое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.